

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЗЕЛИХА МАГОМАДОВА ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №58724/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

8 октября 2019 года

Данное постановление станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Зелиха Магомадова против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в следующем составе:

Vincent A. De Gaetano, *Председатель*,
Georgios A. Serghides,
Helen Keller,
Dmitry Dedov,
María Elósegui,
Gilberto Felici,
Erik Wennerström, *судьи*,
и Stephen Phillips, *Секретарь Секции*,

Проведя 17 сентября 2019 года заседание за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№58724/14), поданной в Суд против Российской Федерации соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданкой России Зелихой Халитовной Магомадовой («заявительница») 26 августа 2014 года.

2. Интересы заявительницы представляли юристы неправительственной организации «Правовая инициатива по России» с офисом в Нидерландах и представительствами в Москве и Ингушетии, и российской организации «Правовое содействие – Астрей» с офисом в Москве. Российскую Федерацию (далее – «государство») представлял Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека, а затем сменивший его на этом посту М. Гальперин.

3. Заявительница утверждала, в частности, что российские власти лишили ее родительских прав, ссылаясь на отсутствие общения с детьми, в результате чего было нарушено ее право на уважение семейной жизни, предусмотренное статьей 8 Конвенции.

4. 24 августа 2015 года было принято решение о рассмотрении жалобы в приоритетном порядке в соответствии с правилом 41 Регламента Суда.

5. 3 ноября 2015 года вышеупомянутые утверждения были коммуницированы государству, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с правилом 54 § 3 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявительница, 1980 года рождения, проживает в станице Ищерская Чеченской Республики.

7. Заявительница состояла в браке с М.Б., сотрудником МВД, погибшим при исполнении служебного долга в июне 2006 года. У них было пять дочерей: Э., 1997 г. р. ; И., 1999 г. р. ; Т., 2000 г. р. ; Эл., 2002 г.р., и Ир., 2003 г. р. У них также был сын Р., родившийся в 2006 году, через три месяца после смерти М.Б.

А. Предыстория

8. После гибели М.Б. заявительница продолжала жить с детьми в принадлежавшем ему частном доме в селе Бетти-Мокх Чеченской Республики, в непосредственной территориальной близости от родственников покойного мужа. По словам заявительницы, эти родственники оказывали на нее давление в попытке завладеть домом покойного М.Б. и полагающимися заявителнице государственными выплатами по потере кормильца. В частности, заявительница утверждает, что отец М.Б. заставил ее выдать ему доверенность на получение выплат от ее имени, в результате чего заявительница была вынуждена каждый раз просить у него денег на содержание своих детей.

9. В ходе ссоры с заявительницей 15 февраля 2010 года Э.Б., брат покойного М.Б., несколько раз ударил заявительницу по голове, нанеся ей черепно-мозговую травму. В тот же день Э.Б. отвез заявительницу к ее матери в станицу Ищерскую и оставил там. Таким образом заявительница была разлучена с детьми. По ее словам, родственники покойного мужа отобрали у нее документы, в том числе паспорт, а также мобильный телефон и личные вещи. Они заявили, что вернут паспорт только в том случае, если заявительница откажется от прав на своих детей, оставшихся жить с родственниками М.Б., по одному у каждого из братьев покойного мужа.

10. По утверждению заявительницы, такая ситуация возникла из-за того, что у нее нет родственников-мужчин.

11. Заявительница не имела возможности увидеться со своими детьми с 15 февраля 2010 года.

12. 20 марта 2010 года заявительница обратилась в районную прокуратуру с заявлением, в котором описала вышеуказанные события. Она попросила правоохранительные органы взять ее под защиту, указав, что родственники М.Б. угрожали ей физической расправой. 16 июня 2010 года она направила аналогичную жалобу

Уполномоченному по правам человека в Чеченской Республике. Судя по всему, по ее заявлениям не было принято никаких мер.

13. 20 апреля 2010 года заявительнице была выдана медицинская справка, подтверждающая, что в 2010 году заявительнице была нанесена черепно-мозговая травма.

В. Первое рассмотрение дела о лишении родительских прав и определении места жительства детей

14. Административным решением от 14 апреля 2010 года Э.Б. был назначен опекуном детей заявительницы. По утверждению заявительницы, она не давала согласия на это и не знала о таком решении.

15. 27 апреля 2010 года Э.Б. обратился в суд с исковым заявлением о лишении заявительницы родительских прав в отношении ее детей, утверждая, что она грубо пренебрегала родительскими обязанностями. В частности, он указывал, что она не занималась должным образом воспитанием детей, не создавала условий для их проживания и питания и жестоко с ними обращалась. Он также утверждал, что в феврале 2010 года заявительница бросила своих детей, поскольку переехала в село Ищерская, где проживала с тех пор.

16. Заявительница подала встречный иск, утверждая, что родственники покойного мужа не давали ей возможности общаться с детьми. Она оспорила административное решение от 14 апреля 2010 года (см. пункт 14 выше) и просила суд определить место жительства детей по адресу ее проживания в станице Ищерской.

17. 10 августа 2010 года дело было рассмотрено Наурским районным судом.

18. В ходе разбирательства 10 августа 2010 года заявительница подтвердила свои требования, указав, что родственники покойного мужа хотят лишить ее родительских прав только чтобы присвоить выплаты, которые полагаются ей и детям по утрате единственного кормильца. Она утверждала, что судебное разбирательство было ими начато после того, как она отозвала доверенность, позволяющую им получать деньги от ее имени. Заявительница описала инцидент, произошедший 15 февраля 2010 года (см. пункт 9 выше) и указала, что в этот день родственники М.Б. разлучили ее с детьми и с тех пор не допускали никаких контактов между ними. Также она заявила, что детей настраивали против нее, внушая им, что она плохая мать и аморально себя ведет, поскольку вступала в связь с посторонними мужчинами. По словам заявительницы, ей пришлось клясться на Коране перед родственниками покойного мужа, что у нее не было таких связей. Она настаивала на том, что любит своих детей, хочет, чтобы они жили с ней, и не оставит попытки их вернуть.

19. Представители двух районных органов опеки и попечительства показали, что не располагают данными, которые подтверждали бы, что заявительница уклонялась от родительских обязанностей или была по какой-либо причине неспособна воспитать своих детей; следовательно, оснований для лишения ее родительских прав нет и такая мера не отвечала бы интересам детей.

20. Наурский районный суд также распорядился о проведении психологического обследования детей заявительницы, которое показало, что оторванность от матери является для них глубоко травмирующим событием, вызывающим тревожность и стресс. Далее в заключении по результатам психологического обследования отмечалось, что у детей на бессознательном уровне сохранились положительные эмоции по отношению к матери и потребность в ее любви и заботе. Обследование также выявило отсутствие у детей эмоциональной близости с родственниками покойного отца; они не идентифицировали себя в качестве единой семьи. В судебном заседании эксперт подтвердила выводы обследования.

21. Наурский районный суд отклонил доводы Э.Б. о том, что заявительница не исполняла родительские обязанности, отметив отсутствие доказательств, которые бы это подтверждали. Суд также установил, что иск Э.Б. о лишении заявительницы родительских прав в отношении ее шестерых детей не обоснован и не подлежит удовлетворению. Суд удовлетворил встречный иск заявительницы, признав недействительным административное решение от 14 апреля 2010 года по установлению опекунов Э.Б. над детьми и определил место жительства детей по адресу проживания заявительницы в Ищерской.

22. 14 сентября 2010 года Верховный суд Чеченской Республики оставил решение районного суда от 10 августа 2010 года без изменений.

С. Исполнительное производство

23. 10 августа 2010 года были выписаны два исполнительных листа; по-видимому, первый предписывал, чтобы дети заявительницы проживали по ее домашнему адресу, а второй требовал аннулировать опекунов Э.Б. над ее детьми.

24. Попытки заявительницы встретиться с детьми не увенчались успехом, поскольку родственники М.Б. отказались выполнить решения суда.

25. 10 марта 2011 года заявительница обратилась в Службу судебных приставов Чеченской Республики с жалобой на невозможность общения с детьми, требуя исполнения решения от 10 августа 2010 года, оставленного без изменений 14 сентября 2010 года.

26. Решением от 22 марта 2011 года Ножай-Юртовский районный отдел судебных приставов Чеченской Республики («Ножай-Юртовский РО СП») отказал заявительнице в возбуждении исполнительного производства и вернул ей первый исполнительный лист. В решении говорилось о том, что предъявленный заявительницей исполнительный лист не соответствует требованиям законодательства об исполнительном производстве, а именно, что резолютивная часть решения суда от 10 августа 2010 года «[не содержит указаний] о возложении на должника требований о передаче взыскателю имущества или денежных средств либо о совершении определенных действий или [требования] воздержаться от их совершения».

27. 26 мая 2011 года Ножай-Юртовский РО СП вынес аналогичное решение в отношении второго исполнительного листа со ссылкой на те же основания.

28. 15 июня 2011 г. заявительница обратилась с заявлением в Наурский районный суд. Она указала на незаконный отказ судебных приставов в возбуждении исполнительного производства в отношении решения суда от 10 августа 2010 года в части определения места жительства ее детей и аннулирования опекунства Э.Б. и попросила суд разъяснить его решение от 10 августа 2010 года.

29. 13 июля 2011 года заявительница направила в Наурский районный суд аналогичное заявление, указывая на то, что ее предыдущее заявление по данному поводу осталось без внимания и что решение суда от 10 августа 2010 г. по-прежнему не исполнено. По всей видимости, заявительница не получила ответа на свои обращения.

30. Согласно ответу государства, судебный пристав-исполнитель не имел формальных оснований для отказа в возбуждении исполнительного производства и поэтому должен быть привлечен к дисциплинарной ответственности; однако на момент представления властями своих замечаний срок его привлечения к дисциплинарной ответственности истек, а 4 февраля 2016 года он был уволен. 11 февраля 2016 года прокуратурой Ножай-Юртовского района Чеченской Республики материалы проверки в отношении бывшего судебного пристава-исполнителя были направлены в соответствующий следственный отдел для организации дополнительной проверки и при необходимости возбуждения уголовного дела по факту незаконного отказа в возбуждении исполнительных производств по решениям в отношении заявительницы.

D. Новое рассмотрение дела по вновь открывшимся обстоятельствам

31. 17 июня 2011 года по просьбе Э.Б. Наурский районный суд отменил свое решение от 10 августа 2010 года со ссылкой на «вновь открывшиеся обстоятельства», указав следующее:

«На момент вынесения данного решения [от 10 августа 2010 года] суду не было известно о том, что [заявительница] имела без определенного рода занятий и жительства гражданского мужа, на которого она тратит все деньги, выдаваемые государством на содержание детей по случаю потери единственного кормильца, и о данном обстоятельстве не было известно и [Э.Б.] на момент вынесения решения [от 10 августа 2010 года]. В подтверждение этого [Э.Б.] представил объяснения лиц, которые могут подтвердить, что [заявительница] ведет неправильный (аморальный) образ жизни.

При изложенных обстоятельствах суд считает, что требования [Э.Б.] обоснованы и подлежат удовлетворению».

32. Данным определением суд назначил новое разбирательство по делу.

33. 30 июня 2011 г. заявительница обжаловала определение от 17 июня 2011 года в суде высшей инстанции. Она заявила, что информация о ее сожительстве с неким мужчиной не соответствует действительности и в любом случае не может рассматриваться как «вновь открывшиеся обстоятельства» по смыслу соответствующих положений гражданско-процессуального законодательства.

34. Решением от 26 августа 2011 года Верховный суд Чеченской Республики оставил в силе определение Наурского районного суда от 17 июня 2011 года, поддержав его доводы.

E. Второе рассмотрение дела о лишении родительских прав и определении места жительства детей

1. Психологическое обследование

35. В рамках нового рассмотрения дела Наурский районный суд назначил психологическое обследование трех старших дочерей заявительницы.

36. В заключении группы специалистов-психологов от 24 января 2012 года указано, что на тот момент у детей было выявлено негативное отношение к матери. Далее в заключении говорилось, что девочки чувствуют себя комфортно и безопасно, проживая со своим дядей Э.Б., и извлечение из привычной среды может травмировать детей, поскольку процесс адаптации к новым условиям жизни и обстановке может быть довольно болезненным. В то же время, согласно заключению, обследованием выявлено отсутствие у детей эмоциональной близости в отношениях с родственниками, у которых

они проживают, т.е. не прослеживается идентификация себя как единой семьи.

37. Далее в заключении отмечено, что попытки насильственным образом разрушить естественную связь детей с матерью могут привести к отрицательным последствиям, которые будут негативно сказываться на детях во взрослом возрасте, и поэтому заявительница должна иметь возможность беспрепятственного общения с детьми.

2. Разбирательство в суде

38. В ходе разбирательства Э.Б. утверждал, что заявительница не заботилась о своих детях и вела аморальный образ жизни и что ее видели в машине с одним мужчиной, а потом с другим мужчиной в позднее время. По его словам, в феврале 2010 года он застал ее в машине с посторонним мужчиной, между ними произошла ссора, и он отвез заявительницу к ее матери в станицу Ищерская. По утверждению Э.Б., заявительница тратила на себя деньги, выплачиваемые ей по утрате кормильца, а ее дети находились на воспитании и содержании Э.Б. Кроме того, он указал, что с момента вынесения решения от 10 августа 2010 года, оставленного без изменения решением от 14 сентября 2010 года, заявительница не приняла мер к тому, чтобы дети были с ней; она несколько раз приезжала в село, где они жили, но ни разу не делала попыток их увидеть, что, по мнению Э.Б., указывало на ее уклонение от исполнения родительских обязанностей.

39. Заявительница подала встречный иск, прося суд определить, что дети должны проживать с ней, и отменить опекунство Э.Б. в отношении них. В ходе судебного заседания она повторила показания, которые дала в ходе разбирательства 2010 года (см. пункт 18 выше). К этому она добавила, что после решения суда от 10 августа 2010 года, оставленного без изменения решением от 14 сентября 2010 года, она фактически не видела детей и все ее попытки их увидеть были безуспешными, так как судебный пристав отказался принять меры для исполнения решения суда. Она показала, что ездила в село, где жили родственники ее покойного мужа и ее дети, но боялась навещать детей из-за угроз со стороны этих родственников; ранее Э.Б. избил ее и запретил показываться в селе. Поскольку у нее нет своих родственников-мужчин, она ездила туда с людьми, которые ее подвозили.

40. Суд заслушал нескольких свидетелей со стороны заявительницы и тех, кто давал показания против нее, а также представителей районных органов опеки и прокурора. Суд выслушал и трех старших дочерей заявительницы, которые высказали резко враждебное отношение к матери, объяснив это тем, что она не ухаживала за ними, вела «неправильный» образ жизни и бросила их два года назад. Они выразили желание жить со своим дядей Э.Б.

3. Решение от 31 января 2012 года

41. 31 января 2012 года дело было рассмотрено Наурским районным судом.

42. Суд счел неубедительными утверждения об аморальном образе жизни заявительницы, указав, что тот факт, что некоторые свидетели несколько раз видели ее в машине с подвозившими ее посторонними людьми, нельзя расценивать как свидетельство ее аморальности. Кроме того, суд отметил, что в любом случае в статье 69 Семейного кодекса РФ (см. пункт 73 ниже) в исчерпывающем перечне оснований для лишения родительских прав отсутствует такое основание, как ведение аморального образа жизни.

43. Наурский районный суд также указал, что в отсутствие достоверных доказательств уклонения заявительницы от исполнения обязанностей по воспитанию детей суд не усматривает оснований для лишения ее родительских прав. Районный суд критически оценил показания трех старших дочерей заявительницы, отметив, что в течение последних двух лет они жили с Э.Б. и не имели контактов с матерью. Поэтому суд отказал в иске Э.Б. о лишении заявительницы родительских прав в отношении ее детей.

44. Со ссылкой на заключение от 24 января 2012 года (см. пункты 36- 37 выше) суд также отметил, что поскольку на тот момент дети проживали с семьей Э.Б. в течение двух лет и чувствовали себя там безопасно, в их интересах было бы оставить их жить с родственниками отца. Заявительница согласилась с этой позицией, отметив, что общаться с такими враждебно настроенными к ней детьми ей будет очень сложно, и поэтому она не возражает, если они останутся жить у Э.Б. В то же время она просила суд определить порядок ее общения с детьми, чтобы она могла забирать их к себе домой дважды в месяц, а также в праздничные дни и дни школьных каникул.

45. Суд постановил, что дети заявительницы должны и дальше жить по месту проживания Э.Б., и отказал в аннулировании его опекуинства. Также суд постановил, что заявительница имеет право забирать детей к себе домой на первые и последние выходные каждого месяца с 10:00 в субботу и возвращать в 16:00 в воскресенье, а также в праздничные дни с 10:00 утра до 10:00 утра следующего дня. Суд обязал Э.Б. не препятствовать общению заявительницы с детьми.

46. Решение от 31 января 2012 года не было обжаловано и вступило в законную силу 1 марта 2012 года.

Г. Исполнительное производство

47. В период с 2 апреля по 30 июля 2012 года заявительница безуспешно пыталась получить исполнительный лист в Наурском районном суде.

48. 6 июня 2012 года заявительница обратилась в Верховный суд Чеченской Республики с жалобой на отказ Наурского районного суда выдать ей исполнительный лист. Она сообщила о своих многочисленных попытках получить исполнительный лист и отметила, что в отсутствие данного документа не может добиться исполнения решения суда от 31 января 2012 года, поскольку Э.Б. его выполнять отказывается.

49. 20 июня 2012 года Наурский районный суд выписал исполнительный лист, который однако не был выдан заявительнице до 30 июля 2012 года. По его получении она сразу же передала исполнительный лист судебному приставу для возбуждения исполнительного производства.

50. Исполнительное производство было начато 6 августа 2012 года.

51. Согласно меморандуму властей, 27 августа 2012 года судебным приставом-исполнителем Ножай-Юртовского РО СП было получено письменное заявление от Э.Б. о том, что он обязуется не препятствовать заявительнице в общении с детьми. Э.Б. был предупрежден об административной ответственности в случае отказа выполнить судебное решение от 31 января 2012 года. Копия данного документа не была представлена Суду.

52. 13 сентября 2012 года заявительница подала жалобу в УФССП по Чеченской Республике на бездействие судебных приставов и непринятие ими мер по принудительному исполнению судебного решения от 31 января 2012 года. В частности, она ссыалась на свои многократные, выраженные по телефону и лично, просьбы к приставу выехать с ней вместе в село, где жили ее дети, и обеспечить исполнение судебного решения по организации ее свиданий с детьми. Однако пристав ни разу ее не сопровождал, мотивируя своей отказ тем, что он уже обязал Э.Б. не препятствовать ее общению с детьми и больше ничего сделать не может, и посоветовал ей обратиться для решения вопроса в органы опеки и попечительства.

53. 8 мая 2013 г. заявительница обратилась с аналогичной жалобой в Федеральную службу судебных приставов России. Она вновь описала бездействие приставов и свои неоднократные просьбы обеспечить исполнение судебного решения.

54. 18 июня 2013 года старший судебный пристав Ножай-Юртовского РО СП вынес постановление о признании жалобы заявительницы на бездействие приставов необоснованной. В своем постановлении старший судебный пристав указал, в частности, что

просьба заявительницы о содействии в обеспечении ее контактов с детьми в выходные и праздничные дни, как это определено судебным решением, противоречит требованиям законодательства, согласно которому совершение исполнительных действий в нерабочие дни допускается только в исключительных случаях.

55. 9 декабря 2013 года Ножай-Юртовский РО СП прекратил исполнительное производство по судебному решению от 31 января 2012 года в связи с отменой данного решения суда.

56. Согласно замечаниям властей, 12 февраля 2016 года прокуратурой Ножай-Юртовского района ЧР («прокуратура») на имя и. о. старшего судебного пристава Ножай-Юртовского РО СП был принесен протест на постановление от 9 декабря 2013 года. Прокуратурой, в частности, было указано, что хотя пристав прекратил исполнительное производство в связи с отменой судебного решения от 31 января 2012 года, в представленных в прокуратуру копиях документов исполнительного производства не имеется определения об отмене указанного судебного решения, как и иного судебного акта, и таким образом, постановление о прекращении исполнительного производства было незаконным. После рассмотрения этого возражения 18 февраля 2016 года Ножай-Юртовским РО СП исполнительное производство по судебному решению от 31 января 2012 года было возобновлено. В тот же день Ножай-Юртовским РО СП в Ножай-Юртовский районный суд было направлено заявление о прекращении исполнительного производства по судебному решению от 31 января 2012 года ввиду противоречия между ним и решением от 3 октября 2013 года (см. пункты 62- 65 ниже). Результат рассмотрения этого заявления неизвестен.

Г. Лишение родительских прав

57. В неустановленную дату в июле 2013 года Э.Б. вновь обратился в Наурский районный суд с заявлением о лишении заявительницы родительских прав. Он указал, что она на протяжении более чем трех лет не общается со своими детьми, не принимает участия в их воспитании и не помогает им материально.

1. Разбирательство в суде первой инстанции

58. На судебном заседании Э.Б., два представителя органов опеки и попечительства и прокурор настаивали на лишении заявительницы родительских прав. Они утверждали, что с момента вынесения решения от 31 января 2012 года заявительница не предпринимала попыток общения со своими детьми, в том числе с двумя старшими дочерьми, которые уже не жили у Э.Б., поскольку учились в г. Грозном. Заявительница не пыталась увидеться с другими своими

детьми в школе или обратиться в органы опеки и попечительства за содействием общению с детьми. Также Э.Б. заявил, что дети не желают видеть мать, поскольку считают, что «она опозорила их» своим аморальным образом жизни.

59. Заявительница не согласилась с этими утверждениями и показала, что поскольку родственники покойного мужа выгнали ее из дома в 2010 году, она с тех пор не видела детей и не имеет влияния на них. После вступления в силу решения суда от 31 января 2012 года она неоднократно обращалась к судебному приставу, прося помощи в организации встречи с детьми, но пристав отказался сопровождать ее в поездке в село, где жили ее дети, а одна она боялась туда ехать из-за угроз физической расправы со стороны родственников мужа. Она также показала, что, поскольку родственники М.Б. настроили детей против нее, предпринятые ею попытки встретиться с двумя старшими дочерьми в медицинском колледже в Грозном, где они учились, были безуспешны, поскольку девочки отказались общаться с ней. Заявительница твердо настаивала на том, что никогда не избегала своих родительских обязанностей и не уклонялась от воспитания своих детей; она подтвердила намерение поддерживать отношения с ними.

60. Судебный пристав-исполнитель П. показал, что должным образом возбудил исполнительное производство в отношении судебного решения от 31 января 2012 года и один раз встретился с заявительницей и разъяснил ей порядок исполнения решения. Также он получил письменное заявление от Э.Б. с обязательством не препятствовать общению заявительницы с детьми. Пристав добавил, что заявительница должна была приехать в Ножай-Юрт, чтобы они могли исполнить решение суда, но она появилась там лишь один раз на пять минут, и поэтому он не имел возможности ничего сделать для исполнения решения.

61. Суд вызвал и заслушал двух старших дочерей заявительницы, которые повторили показания, данные ими в ходе разбирательства 2012 года. В частности, они показали, что не желают видеть заявительницу, поскольку она «ославила их, общаясь с посторонними мужчинами».

2. Решение суда от 3 октября 2013 года

62. 3 октября 2013 года дело было рассмотрено Наурским районным судом.

63. Суд не был убежден доводами заявительницы о том, что пристав-исполнитель не содействовал ее общению с детьми, как это предписывало судебное решение от 31 января 2012 года. По мнению суда, заявительница могла попытаться встретиться с детьми в школе, а с двумя старшими дочерьми – в медицинском колледже; она могла бы обратиться за помощью в орган опеки и попечительства, а также могла

бы оказать детям материальную помощь, поскольку получает от государства выплаты на их содержание. Суд отметил, что с момента вынесения решения от 31 января 2012 года заявительница ничего из этого не сделала, а это, по мнению суда, свидетельствовало о том, что она уклоняется от воспитания детей.

64. Наурский районный суд также сослался на мнение двух старших дочерей заявительницы (см. пункт 61 выше). Суд отметил, что хотя заявительнице было дано время для исправления ситуации, по истечении полутора лет дети все так же враждебно настроены против нее.

65. В результате суд постановил, что иск Э.Б. подлежит удовлетворению, поскольку заявительница «уклоняется от воспитания детей» и должна быть лишена родительских прав в соответствии со статьей 69 Семейного кодекса РФ (см. пункт 73 ниже). Также суд постановил взыскать с нее алименты на содержание детей, которые должны выплачиваться Э.Б., опекуну детей.

3. Обжалование в апелляционном порядке

66. 25 февраля 2014 года Верховный суд ЧР оставил решение в силе, согласившись с выводами суда первой инстанции.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

A. Семейный кодекс РФ

1. Правовые положения, касающиеся защиты прав детей

67. Каждый ребенок, т.е. лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, имеет право, насколько это возможно, жить и воспитываться в семье, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Ребенок имеет право на воспитание своими родителями, на обеспечение его интересов, на всестороннее развитие и на уважение его человеческого достоинства (статья 54).

68. Ребенок имеет право на общение с обоими родителями, дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками (статья 55, п.1).

69. Ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам (статья 57).

2. Правовые положения, касающиеся прав и обязанностей родителей

70. Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами (статья 63, п.1).

71. Родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на общение с ребенком, участие в его воспитании и в решении вопросов получения ребенком образования. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию (статья 66, п.1).

72. Родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона и не на основании судебного решения. В случае возникновения спора родители вправе обратиться в суд за защитой своих прав. При рассмотрении этих требований суд вправе с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении иска родителей, если придет к выводу, что передача ребенка родителям не отвечает интересам ребенка (статья 68, п.1).

73. Родители могут быть лишены родительских прав, если они: уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов; отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций; злоупотребляют своими родительскими правами; жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей или супруга (статья 69).

74. Родители, лишены родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей (статья 71, п. 1).

В. Судебная практика

75. В своем постановлении от 27 мая 1998 г. №10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изменениями и дополнениями от 6 февраля 2007 года) Пленум Верховного Суда РФ, в частности, указывает:

“...

11. Родители могут быть лишены судом родительских прав по основаниям, предусмотренным в ст. 69 [Семейного кодекса РФ], только в случае их виновного поведения.

...

12. ... [Н]е могут быть лишены родительских прав лица, не выполняющие свои родительские обязанности вследствие стечения тяжелых обстоятельств или по другим причинам, от них не зависящим (например, [наличие] психического расстройства или иного хронического заболевания ...)

...

13. Судам следует учитывать, что лишение родительских прав является крайней мерой. В исключительных случаях при доказанности виновного поведения родителя суд с учетом характера [его или ее] поведения, личности и других конкретных обстоятельств вправе отказать в удовлетворении иска о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей, возложив на органы опеки и попечительства контроль за выполнением [им или ею] родительских обязанностей».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

76. Заявительница жаловалась что российские власти лишили ее родительских прав ввиду отсутствия общения с детьми, в результате чего было нарушено право на уважение ее семейной жизни, предусмотренное статьей 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

A. Приемлемость

77. Государство указало, что действовавшим на тот момент ГПК РФ была установлена двухуровневая кассационная процедура обжалования постановлений судов первых двух инстанций, что было признано Судом как эффективное средство правовой защиты в деле *Abramyan and Others v. Russia* ((dec.), nos. 38951/13 и 59611/13, 12 May

2015). Таким образом, власти утверждали, что не обжаловав судебные постановления судов низшей инстанции в кассационном порядке, заявительница не исчерпала доступные ей эффективные внутренние средства правовой защиты.

78. Ссылаясь на дело *Kocherov and Sergeyeva* (no. 16899/13, 29 March 2016), заявительница утверждала, что на момент подачи жалобы в Суд она не знала, что Суд признает новую кассационную процедуру эффективным средством правовой защиты. Она указала, что подала жалобу в августе 2014 года, в то время как решение Суда о неприемлемости в деле *Abramyan and Others* ((dec.), цит. выше) было вынесено только в мае 2015 года.

79. Суд отклонял аналогичные возражения государства-ответчика в ряде других дел, в которых заявители подали свои жалобы до того, как Суд вынес решение по делу *Abramyan and Others* ((dec.), цит. выше; см., например, *Novruk and Others v. Russia*, nos. 31039/11 и 4 других, §§ 70-76, 15 March 2016; *Kocherov and Sergeyeva*, цит. выше, §§ 64-69; *McIlwrath v. Russia*, no. 60393/13, §§ 85-95, 18 July 2017; *Elita Magomadova v. Russia*, no. 77546/14, §§ 40-44, 10 April 2018; и *Khusnutdinov and X v. Russia*, no. 76598/12, §§ 65-66, 18 December 2018).

80. Суд не усматривает оснований для иного вывода в настоящем деле. Заявительница подала жалобу в Суд 26 августа 2014 года, то есть до того, как Суд признал новую двухуровневую кассационную процедуру обжалования эффективным средством правовой защиты (см. *Abramyan and Others* (dec.), цит. выше, §§ 76-96). На тот момент она уже не могла воспользоваться данным средством правовой защиты, поскольку истек срок для его использования. Поэтому Суд отклоняет возражение Правительства относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

81. Суд отмечает, что данная часть жалобы не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Пределы рассмотрения дела

82. Суд считает необходимым сразу пояснить, что рассмотрение им настоящего дела ограничено той частью, которая признана приемлемой (см. пункты 5 и 81 выше), а именно, лишение заявительницы родительских прав судебным постановлением от 3 октября 2013 года, оставленным в силе решением апелляционной инстанции от 25 февраля 2014 года. Однако чтобы получить более широкое представление о развитии дела заявительницы и должным

образом изучить обстоятельства вышеупомянутого судебного разбирательства, Суду необходимо представить их в соответствующем контексте, что неизбежно влечет за собой частичное рассмотрение более ранних событий, указанных в пунктах 8- 56 выше (см. *Jovanovic v. Sweden*, no. 10592/12, § 73, 22 October 2015, и *Lorenz v. Austria*, no. 11537/11, §42, 20 July 2017)

2. Лишение родительских прав

(а) Доводы сторон

(i) Заявительница

83. Заявительница жаловалась, что из-за лишения родительских прав ее связь с детьми полностью разрушена, и это является неоправданным вмешательством в ее право на уважение частной жизни.

84. Заявительница, в частности, утверждала, что данная мера была незаконной. Она отметила, что статьей 69 Семейного кодекса РФ установлен исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав (см. пункт 73 выше). Кроме того, в своем Постановлении №10 от 27 мая 1998 года с изменениями и дополнениями от 6 февраля 2007 года Верховный суд РФ прямо указывает, что лишение родительских прав возможно только в случае виновного поведения родителя (см. пункт 75 выше). Она настаивала на том, что никогда не пренебрегала своими родительскими обязанностями и не уклонялась от их исполнения и, вопреки выводам национальных судов, посчитавших ее ответственной за отсутствие контактов с детьми, утверждала, что такое отсутствие контактов было результатом не уклонения ее от родительских обязанностей, а постоянного и незаконного отказа ей в доступе к детям. Кроме того, суды не смогли доказать, что с ее стороны имело место виновное поведение. Таким образом, по мнению заявительницы, в национальном законодательстве отсутствовали основания для лишения ее родительских прав.

85. Заявительница также утверждала, что такое вмешательство не было необходимым в демократическом обществе. В частности, оно было слишком жесткой мерой, поскольку фактически навсегда лишило ее связи с детьми. Власти не рассмотрели возможность назначения менее суровых альтернативных мер и не учли интересы детей. По вопросу интересов детей заявительница ссылалась на заключения психологов, полученные в рамках судебных разбирательств в 2010 и 2012 годах (см. пункты 20 и 36- 37 выше), где прямо указано, что дети нуждаются в любви и заботе матери, что разрушение естественных связей между ними и заявительницей способно привести к негативным

последствиям, которые будут отрицательно сказываться на их дальнейшей жизни, и что заявительница должна иметь возможность беспрепятственного общения с детьми. Таким образом, лишение ее родительских прав явно не отвечало интересам детей.

86. Заявительница согласилась, что поскольку была лишена контакта с детьми в течение длительного периода, ей нужен был определенный срок для постепенного восстановления эмоциональных связей с ними; для этого ей необходимо было посещать детей и проводить с ними время. Лишение ее родительских прав не только не служило этой цели, но и еще больше отдалило ее от детей, фактически разрушив оставшиеся семейные отношения между ними.

87. Заявительница также утверждала, что национальные суды не привели «существенных и достаточных» причин в обоснование меры, на которую жалуется заявительница. В частности, у судов не было оснований возлагать на нее ответственность за отсутствие контактов с детьми и приводить этот факт в качестве доказательства ее уклонения от исполнения родительских обязанностей. Она подчеркнула, что начиная с момента, когда родственники покойного мужа насильно разлучили ее с детьми, она постоянно добивалась встречи с детьми и их возвращения. В ходе всех трех судебных разбирательств и двух исполнительных производств она постоянно информировала власти о конфликте с родственниками покойного мужа, об их враждебном отношении к ней и о том, что они восстанавливают детей против нее и полностью исключили ее из жизни детей, лишив их возможности общения с матерью, в том числе по телефону. Несмотря на все ее усилия, власти продолжали бездействовать и не принимали никаких мер содействия контактам между заявительницей и ее детьми. В частности, несмотря на многочисленные просьбы заявительницы об исполнении судебных решений от 10 августа 2010 года и от 31 января 2012 года, эти решения так и не были исполнены. Более того, в ходе состоявшегося в 2013 году третьего судебного разбирательства, закончившегося лишением заявительницы родительских прав, национальный суд признал ее ответственной за отсутствие контактов с детьми. Она утверждала, что этот вывод не был основан на адекватной оценке фактов и что национальные суды не обеспечили справедливого баланса при принятии данного решения.

88. И наконец, заявительница утверждала, что в процессе принятия судебных решений был допущен серьезный недочет, поскольку национальные суды не опросили всех ее детей и не выяснили их мнение. Она указала, что в ходе судебного заседания 2013 года были заслушаны только ее две старшие дочери. При этом еще четверо ее детей – Т., 2000 г. р., Эл., 2002 г. р., Ир., 2003 г. р., и Р., 2006 г. р. – уже были в таком возрасте, когда могли выразить суду свое мнение, поскольку вопрос лишения матери родительских прав

непосредственно затрагивал их право на уважение семейной жизни. В связи с этим заявительница ссылалась на дело *N.Ts. and Others v. Georgia* (no. 71776/12, 2 February 2016). Кроме того, две дочери заявительницы, Т. и Эл., достигшие на тот момент тринадцати и одиннадцати лет, не были заслушаны судом в нарушение статьи 57 Семейного кодекса РФ, предписывающей учитывать мнение ребенка, достигшего десяти лет (см. пункт 69 выше). Также заявительница указала, что в отношении всех шестерых ее детей следовало провести психологические или психиатрические обследования с привлечением независимых экспертов. В отсутствие информации о мнении всех ее детей любое рассмотрение их интересов неизбежно становилось неадекватным и односторонним.

(ii) Государство

89. Государство признало, что лишение заявительницы родительских прав явилось вмешательство в ее право на уважение семейной жизни, предусмотренное статьей 8 § 1 Конвенции; однако, по мнению властей, такое вмешательство преследовало правомерные цели в соответствии со вторым пунктом этой статьи. В частности, оно было предусмотрено законом, а именно, статьями Семейного кодекса РФ, на которые ссылались национальные суды в своих решениях, в том числе статьей 69. Оно также преследовало цель защиты прав детей.

90. Кроме того, по мнению властей, данное вмешательство было «необходимо в демократическом обществе»; оно было пропорциональным и учитывало интересы детей. В частности, власти утверждали, что согласно практике Суда, национальные суды находятся в лучшем положении для оценки достоверности доказательств, в том числе показаний свидетелей, и их относимости к вопросам, поднимаемым в деле. В этой связи государство указало, что при вынесении решения от 3 октября 2013 года суд первой инстанции принял во внимание следующее: показания Э.Б., утверждавшего, что после смерти мужа заявительница не заботилась о детях и материально их не обеспечивала, вела аморальный образ жизни и не предпринимала попыток увидеться с детьми после судебного решения от 31 января 2012 года, свидетельские показания заявительницы, не отрицавшей, что дети отказываются общаться с ней, а также свидетельские показания двух старших дочерей заявительницы, выразивших желание по-прежнему проживать со своим дядей Э.Б. и не общаться с заявительницей. Также суд принял во внимание, что в течение более чем полуторагодового периода между судебными решениями от 31 января 2012 года и 3 октября 2013 года заявительница не принимала мер для улучшения взаимоотношений с детьми; кроме того, суд сослался на мнение сотрудников органа опеки и попечительства и

позицию прокурора относительно того, что заявительница уклонялась от исполнения родительских обязанностей и поэтому должна быть лишена родительских прав.

91. Государство также утверждало, что процесс принятия решения был справедливым и процессуальные права заявительницы были соблюдены. В частности, у нее был представитель, она имела возможность изложить свои доводы как устно, так и в письменном виде, и ее представитель подавал ходатайства и получал доступ ко всем соответствующим сведениям и документам. Власти утверждали, что во время судебных заседаний были опрошены свидетели со стороны заявительницы, но не назвали этих свидетелей. Также власти указали, что судом первой инстанции были опрошены двое из шестерых детей заявительницы.

92. В отношении детей, которые опрошены не были, власти, во-первых, указали, что статья 57 Семейного кодекса РФ предписывает вызывать в суд и опрашивать детей, достигших десяти лет, тогда как на тот момент этого возраста достигли лишь трое из шестерых детей. Во-вторых, в статье 57 перечислены случаи, в которых обязателен учет мнения ребенка, достигшего десяти лет, при решении вопроса, затрагивающего интересы этого ребенка; лишение родительских прав не входит в этот перечень, и таким образом, учет мнения ребенка при решении вопроса о лишении родительских прав его или ее родителя, по мнению государства, не является необходимым. Согласно утверждению властей, тот факт, что лишь двое из детей заявительницы были заслушаны в ходе судебного разбирательства по делу о лишении ее родительских прав и что не проводилась психологическая или психиатрическая экспертиза в отношении всех ее детей, не оказал негативного влияния на процесс принятия решений и не противоречил требованиям статьи 8 Конвенции.

93. Таким образом, власти настаивали, что в ходе рассмотрения дела было установлено, что заявительница не заботилась о детях и не оказывала им материальную помощь и что неисполнение ею родительских обязанностей носило виновный характер, поскольку национальные суды не обнаружили препятствий для ее общения с детьми. Решение о лишении заявительницы родительских прав было принято в пределах свободы усмотрения властей и не было произвольным; оно было принято с учетом мнения ее детей, которые не желали общаться с матерью, и исходя из обстоятельств дела, обеспечивало в наилучшей мере интересы детей. И наконец, власти утверждали, что в настоящем деле было достигнуто справедливое равновесие между интересами всех участвующих в деле лиц и что вмешательство, на которое жалуется заявительница, было соразмерно преследуемой законной цели.

(b) Оценка, данная Судом

94. Во-первых, Суд отмечает, что в силу своей природы связь между заявительницей и ее детьми подпадает под понятие «семейная жизнь» для целей статьи 8 Конвенции (см. *A.K. and L. v. Croatia*, no. 37956/11, §§ 51-52, 8 January 2013, и *S.S. v. Slovenia*, no. 40938/16, § 78, 30 October 2018).

(i) Вмешательство

95. Между сторонами не было разногласий по вопросу о том, что лишение заявительницы родительских прав было вмешательством в ее право на уважение семейной жизни, охраняемое статьей 8 § 1 Конвенции. Такое вмешательство является нарушением данного положения Конвенции, кроме тех случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну из законных целей, указанных в статье 8 § 2, и необходимо в демократическом обществе (см., помимо многих других источников, *Jovanovic*, цит. выше, § 74, или *S.S. v. Slovenia*, цит. выше, § 79).

(ii) «Предусмотрено законом» и законная цель

96. Власти утверждали, что мера, ставшая предметом жалобы, была основана на положениях статьи 69 Семейного кодекса РФ (см. пункт 73 выше) и преследовала цель защиты прав детей заявительницы.

97. Суд выражает сомнение в том, что с учетом обстоятельств настоящего дела толкование национальными судами статьи 69 СК РФ в части оснований для лишения заявительницы родительских прав можно считать «предсказуемым» и что оспариваемая мера была принята в интересах детей. Однако Суд считает, что эти вопросы тесно связаны с вопросом о том, была ли такая мера «необходимой в демократическом обществе», и поэтому считает целесообразным рассматривать дело с этой точки зрения (см. аналогичный подход в *Emonet and Others v. Switzerland*, no. 39051/03, § 78, 13 December 2007, и *N.P. v. the Republic of Moldova*, no. 58455/13, § 72, 6 October 2015).

*(iii) “Необходимо в демократическом обществе”**(a) Общие принципы*

98. Суд напоминает, что общение родителя и ребенка составляет основополагающий элемент «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции (см. в качестве недавнего примера, *A.B.V. v. Russia*, no. 56987/15, § 68, 2 October 2018). В настоящее время достигнут широкий консенсус, в том числе в международном праве, по вопросу о том, что во всех решениях, касающихся детей, их интересы должны стоять на первом месте (см. *Neulinger and Shuruk* [GC], no. 41615/07, § 135, 6 July 2010, и *X v. Latvia* [GC], no. 27853/09, § 96, ECHR 2013). Интересы

ребенка диктуют необходимость сохранения связей ребенка с семьей, за исключением случаев, когда доказано, что семья ребенка неспособна выполнить свои функции и что связь с семьей может нанести вред здоровью и развитию ребенка (см., например, *K.B. and Others v. Croatia*, no. 36216/13, § 143, 14 March 2017). Разрыв таких связей означает, что ребенок будет отрезан от своих корней, а это допустимо лишь в немногих исключительных обстоятельствах (см. *Görgülü v. Germany*, no. 74969/01, § 48, 26 February 2004); необходимо сделать все возможное для сохранения личных отношений с семьей, а при необходимости – для «восстановления» семьи (см. *Kasper Nowakowski v. Poland*, no. 32407/13, § 75, 10 January 2017). В этом контексте Суд подчеркивает, в частности, обязанность государства принимать меры для максимально возможного сохранения связей между матерью и ребенком (см. *S.H. v. Italy*, no. 52557/14, § 48, 13 October 2015).

99. Предел свободы усмотрения компетентных национальных органов варьируется в зависимости от характера проблем и важности затрагиваемых интересов. Хотя Суд признает широкие пределы усмотрения властей при принятии решений по вопросам опеки над детьми, в отношении налагаемых властями дополнительных ограничений, таких как лишение родительских прав и права на общение с детьми, необходим более строгий контроль и правовые гарантии обеспечения эффективной защиты права родителей и детей на уважение их семейной жизни. Такие дополнительные ограничения влекут за собой опасность фактического разрыва семейных отношений между родителями и ребенком (см. *Kutzner v. Germany*, no. 46544/99, § 67, ECHR 2002-I, и *Haase v. Germany*, no. 11057/02, § 92, ECHR 2004-III (extracts)).

100. При оценке того, была ли оспариваемая мера «необходимой в демократическом обществе», Суд должен выяснить, действительно ли в общем контексте настоящего дела причины, приведенные в обоснование оспариваемой меры, были «существенными и достаточными» для целей Статьи 8 § 2 Конвенции. Суд не может удовлетворительно оценить этот последний элемент без одновременного рассмотрения того, был ли процесс принятия решений в целом справедливым и обеспечил ли заявительнице необходимую защиту ее интересов, гарантированных статьей 8 (см., например, *Schneider v. Germany*, no. 17080/07, §93, 15 September 2011). Суд также рассмотрит вопрос о том, могли ли в соответствующих случаях сами дети выразить свое мнение (см., например, *Saviny v. Ukraine*, no. 39948/06, § 51, 18 December 2008).

(β) Применение общих принципов в настоящем деле

100. Суд с самого начала отмечает, что лишение заявительницы родительских прав разорвало связи между матерью и ее детьми и отменило все ее права в отношении детей, включая право на общение с ними. Суд вновь заявляет, что разлучение членов семьи является очень серьезным вмешательством (см. *A.K. and L. v. Croatia*, цит. выше, § 62). Лишение родительских прав – чрезвычайно суровая мера, которая лишает родителя возможности семейной жизни с ребенком и несовместима с целью их воссоединения. Как отмечалось выше, такие меры должны применяться в исключительных обстоятельствах и могут быть оправданы лишь в том случае, если продиктованы еще более настоятельным требованием соблюдения интересов ребенка (см. *Strand Lobben and Others v. Norway* [GC], no. 37283/13, § 209, 10 September 2019; *M.D. and Others v. Malta*, no. 64791/10, § 76, 17 July 2012, и *N.P. v. the Republic of Moldova*, цит. выше, § 65).

101. В отношении фактических обстоятельств дела национальные суды двух инстанций установили, что заявительница не желала заботиться о своих детях, поскольку не установила с ними контакт после решения суда от 31 января 2012 года, определившего порядок ее общения с детьми, и не обеспечивала их материально. Суд оценит эти выводы в общем контексте дела, принимая во внимание события, предшествовавшие оспариваемому решению (см. пункт 82 выше).

102. Суд отмечает, что заявительница была разлучена с детьми 15 февраля 2010 года в результате явно незаконных действий Э.Б., брата ее покойного мужа (см. пункт 9 выше). Ее обращения по поводу этого инцидента в правоохранительные органы с просьбой о защите, по-видимому, остались без ответа, и власти не предприняли в этой связи никаких действий (см. пункт 12 выше).

103. Последующие события привели к постепенному разрыву связей между заявительницей и ее детьми. В частности, Э.Б. предпринял несколько попыток лишения заявительницы родительских прав. В результате первого судебного разбирательства, закончившегося решением от 10 августа 2010 г., оставленным без изменения 14 сентября 2010 года, национальные суды отклонили его иск, ссылаясь на отсутствие доказательств неисполнения заявительницей родительских обязанностей. Суды постановили, что дети должны проживать с заявительницей по ее адресу (см. пункты 21- 22 выше). Однако это судебное решение не было исполнено, несмотря на многочисленные просьбы заявительницы, поскольку судебный пристав неоднократно отказывал в возбуждении исполнительного производства (см. пункты 23- 29 выше). Суд принимает к сведению утверждение государства о том, что действия судебного пристава противоречили национальному законодательству (см. пункт 30 выше).

104. В конечном итоге по просьбе Э.Б. было назначено новое разбирательство по делу о лишении родительских прав. На данном этапе Суд отмечает, что национальные суды двух инстанций, во-первых, признали утверждение о том, что заявительницу несколько раз видели в автомобилях неизвестных мужчин (которые, по-видимому, ее подвозили), достаточным доказательством ее сожительства с мужчиной и следовательно «аморальности», а во-вторых, что еще более важно, сочли ее якобы «аморальный» образ жизни, то есть сожительство с мужчиной, достаточным основанием для нового рассмотрения дела о лишении ее родительских прав по вновь открывшимся обстоятельствам (см. пункты 31- 32 выше). По мнению Суда, позицию национальных судов вряд ли можно считать соответствующей базовым ценностям современного демократического общества. Суд с удовлетворением отмечает, что после возобновления разбирательства национальные суды отклонили вышеупомянутые утверждения как не относящиеся к перечню оснований для лишения родительских прав согласно национальному законодательству (см. пункт 42 выше).

105. В решении от 31 января 2012 года, оставленном без изменения 1 марта 2012 года, национальные суды вновь отклонили доводы Э.Б. о том, что заявительница уклоняется от родительских обязанностей, со ссылкой на отсутствие достоверных доказательств этого утверждения, и оставили без удовлетворения его иск о лишении ее родительских прав. В то же время, отмечая, что на тот момент дети заявительницы уже два года жили с родственниками отца, суды постановили, что их следует оставить жить по месту проживания Э.Б., назначили его опекуном и определили порядок общения заявительницы с детьми (см. пункты 44- 45 выше). Суд с обеспокоенностью отмечает, что отмена судами первоначального вывода о том, что дети должны жить с матерью (заявительницей), приведенного в решении от 10 августа 2010 года и оставленного без изменения 14 сентября 2010 года, и предписание, что дети должны жить с родственниками отца, фактически были вызваны бездействием властей в части отказа в возбуждении исполнительного производства по первоначальному решению.

106. Суд напоминает, что в сфере позитивных обязательств государства в рамках «уважения» семейной жизни входит принятие мер, гарантирующих уважение семейной жизни в том числе и в личных отношениях между людьми, включая создание нормативно-правовой базы для функционирования судебных и правоприменительных механизмов защиты прав граждан, а также по необходимости осуществление конкретных шагов (см., среди прочего, *Stasik v. Poland*, no. 21823/12, § 80, 6 October 2015). Суд неоднократно подчеркивал, что статья 8 Конвенции предусматривает как право

родителя принимать меры для воссоединения со своим ребенком, так и обязанность национальных властей содействовать такому воссоединению (см. среди прочих, *Y.U. v. Russia*, no. 41354/10, § 93, 13 November 2012, и *Haddad v. Spain*, no. 16572/17, § 64, 18 June 2019). Бремя этого позитивного обязательства государств неуклонно растет в период разлучения ребенка с родителем, и адекватность принимаемых в таком случае мер оценивается с учетом их незамедлительности, поскольку с течением времени разлука между ребенком и родителем может привести к непоправимым последствиям для их отношений (см. *Strand Lobben and Others*, цит. выше, § 208).

107. Суд далее отмечает, что не было исполнено и судебное решение от 31 января 2012 года. Следует подчеркнуть, что к 1 марта 2012 года, когда это решение вступило в законную силу, заявительница уже не общалась с детьми в течение более чем двух лет со всеми вытекающими последствиями для отношений между ними, а также для физического и психологического благополучия детей. На этом фоне властям было особенно важно проявить образцовое усердие и оперативность в исполнении решения от 31 января 2012 года.

108. Однако несмотря на многочисленные обращения заявительницы об исполнении решения от 31 января 2012 года, исполнительное производство было начато только 6 августа 2012 года, то есть более чем через пять месяцев после вступления решения в законную силу (см. пункты 46 и 50 выше). Исполнительное производство продолжалось более шестнадцати месяцев, а затем было прекращено 9 декабря 2013 года. В течение этого периода судебный пристав-исполнитель всего лишь получил «письменное заявление» Э.Б. о том, что тот не будет препятствовать общению заявительницы с детьми и предупрежден об административной ответственности (см. пункт 51 выше). Никаких других шагов предпринято не было, несмотря на то, что заявительница сообщала властям о враждебном отношении к ней родственников покойного мужа, об их угрозах и отказе выполнить судебное решение, а также неоднократно обращалась к судебным приставам за помощью в организации свидания с детьми (см. пункт 52 выше). Поразительно столь явное и вопиющее бездействие в ситуации, где были абсолютно необходимы, как отмечено в предыдущем пункте, образцовое усердие и оперативность со стороны властей.

109. Имеет значение и то, что на всех стадиях производства по делу, включая три стадии судебного разбирательства и две стадии исполнительного производства, заявительница постоянно подтверждала свое намерение заботиться о детях, добивалась встречи с ними и их возвращения. Она неоднократно информировала компетентные национальные органы, включая правоохранительные структуры, суд и службу судебных приставов, о крайне напряженных

отношениях с родственниками покойного мужа, об их враждебности и угрозах физической расправы и ее опасениях в этой связи, а также о том, что эти родственники препятствуют ее общению с детьми, в том числе по телефону. В этой связи заявительница обращалась к компетентным органам за защитой и помощью; в частности, она неоднократно пыталась добиться исполнения вынесенных в ее пользу судебных решений (см. пункты 12, 16, 18, 25, 28- 29, 39, 47- 48, 52 - 53 и 59 выше). Как свидетельствуют факты, ее усилия оказались тщетными, а обращения в основном оставались без ответа или отклонялись под разными предлогами (см. пункты 12, 26- 29 и 54 выше). Несмотря на полную осведомленность о ситуации заявительницы, власти оставались пассивными и не предпринимали никаких реальных шагов с целью обеспечить и облегчить ее воссоединение с детьми (сравн. *Haddad*, цит. выше, § 72). Также следует отметить, что в отсутствие реальных действий со стороны властей заявительница сама пыталась общаться с двумя старшими дочерьми, переехавшими в Грозный для учебы в колледже; однако эта попытка не удалась ввиду крайне негативного отношения девочек к матери (см. пункт 59 выше).

110. В этом контексте Суду представляется поразительным тот факт, что в решении от 3 октября 2013 года, оставленном без изменений 25 февраля 2014 года, национальные суды признали заявительницу ответственной за то, что она не установила контакт с детьми (см. пункт 63 выше). Мало того, что власти годами бездействовали, не принимая мер в отношении ее ситуации, но национальные суды еще и решили переложить ответственность за это вопиющее бездействие на саму заявительницу, придя к подобному выводу. Особое беспокойство вызывает то, что национальные суды сослались на этот вывод в обоснование лишения заявительницы родительских прав. Что касается другого вывода судов – о том, что заявительница не оказывала своим детям материальную помощь – неясно, был ли он основан на каких-либо доказательствах помимо утверждений Э.Б. Даже если допустить, что это соответствовало действительности, Суд не убежден, что заявительница должна была единолично нести ответственность за этот факт, и не считает его достаточным основанием для лишения родительских прав. В частности, учитывая давний конфликт между заявительницей и родственниками ее покойного мужа, в ходе разбирательств в национальных судах не было убедительно продемонстрировано, что у заявительницы была реальная возможность оказывать материальную помощь детям, общаться по этому вопросу с родственниками покойного мужа и быть уверенной, что материальная помощь дойдет до ее детей. Суды фактически лишь кратко упомянули о том, что

заявительница не оказывала материальную помощь детям, не разъясняя этот вывод более подробно.

111. В свете вышеизложенного Суд отклоняет довод властей о том, что заявительница не общалась с детьми и не оказывала им материальную помощь в отсутствие каких-либо объективных препятствий этому (см. пункт 93 выше). Необоснованность выводов национальных судов настолько поразительна, ощутима и очевидна, что такие выводы можно рассматривать лишь как абсолютно произвольные. Опираясь на эти выводы в обоснование лишения заявительницы родительских прав, суды произвольно применяли соответствующие положения национального законодательства. В этой связи Суд отмечает постановление от 27 мая 1998 года, в котором Верховный суд РФ указал, что родители могут быть лишены родительских прав только в случае их доказанного виновного поведения по основаниям, предусмотренным в статье 69 Семейного кодекса РФ; что родители, не выполняющие свои родительские обязанности по причинам, от них не зависящим, не могут быть лишены родительских прав, и что даже в случае доказанности виновного поведения родителя лишение родительских прав не должно происходить автоматически (см. пункт 75 выше).

112. Суд также считает, что решения национальных судов были вынесены с нарушениями еще и потому, что в этих решениях не учитывались должным образом интересы детей. Следует отметить, что заключения по результатам психологических обследований детей, проведенных в контексте рассмотрения дела в 2010 и 2012 годах, показали наличие между заявительницей и ее детьми эмоциональных связей (см. пункт 20 выше), насильственное разрушение которых может привести к отрицательным последствиям, которые будут негативно сказываться на детях во взрослом возрасте (см. пункт 37 выше), а также отсутствие подобных связей между детьми и их родственниками со стороны отца (см. пункты 20 и 36 выше). Однако в рамках рассмотрения дела ни разу не запрашивалось экспертное заключение по таким важным вопросам, как степень привязанности детей к матери, возможное воздействие на них разрыва отношений с ней, ее родительские способности и т. д. (сравн. *Strand Lobben and Others*, цит. выше, §§ 222-23). Не было выдвинуто причин, объясняющих, почему интересам детей отвечает такая радикальная мера, как лишение матери, единственного живущего родителя, ее родительских прав, и не были приведены в оправдание данной меры какие-либо весомерные соображения, касающиеся здоровья и развития детей. Кроме того, судом не было предпринято попыток рассмотреть вопрос об эффективности менее суровых альтернатив, прежде чем разрушить связи между заявительницей и ее детьми, лишив ее родительских прав.

113. Суд первой инстанции фактически ограничился краткой ссылкой на мнение двух старших дочерей заявительницы, которые показали, что не желают видеть мать, поскольку она «ославила их» своей аморальной жизнью (см. пункт 61 выше). Примечательно, что в ходе предыдущего разбирательства суд критически оценил аналогичные показания дочерей заявительницы, отметив, что в течение последних двух лет они жили со своим дядей Э.Б. и не имели контактов с матерью (см. пункт 43 выше). Однако в ходе рассматриваемого разбирательства суд не высказался по этому вопросу, проигнорировав доводы заявительницы о том, что она не имела никаких контактов с детьми, что родственники покойного мужа настроили детей против нее и что две старшие дочери отказались разговаривать с ней, когда она пыталась с ними встретиться (см. пункт 59 выше).

114. Суд повторяет, что дети имеют право выражать свое мнение и быть заслушанными при решении вопросов, затрагивающих их интересы. В частности, по мере того, как дети взрослеют и со временем становятся способны формулировать свое мнение, суды должны уделять все большее внимание их взглядам и чувствам, а также их праву на уважение личной жизни (см. *Petrov and X v. Russia*, no. 23608/16, § 108, 23 October 2018). В то же время эти взгляды не всегда остаются неизменными, и высказываемые детьми возражения, хотя их и следует соответствующим образом учитывать, не всегда должны преобладать над интересами родителей, особенно в вопросах регулярных контактов с ребенком. Право ребенка выражать собственное мнение не следует толковать как предоставление детям безусловного права вето без учета иных факторов и изучения всех обстоятельств для установления истинных интересов детей. Более того, если суд принял решение на основе высказывания детей, явно не способных сформировать и сформулировать собственное мнение о том, чего именно они хотят – например, из-за конфликта лояльности и (или) из-за изолирующего влияния одного из родителей – такое решение будет противоречить статье 8 Конвенции (см. *K.B. and Others v. Croatia*, цит. выше, § 143, и указанные в нем источники).

115. Суд далее отмечает, что ни один из остальных четырех детей заявительницы – Т., 2000 г. р., Эл., 2002 г. р., Ир., 2003 г. р. и Р., 2006 г. р., не был заслушан в национальных судах при рассмотрении дела. Суд отмечает довод заявительницы о том, что отказ суда первой инстанции заслушать Т. и Эл., достигших на тот момент тринадцати и одиннадцати лет, был нарушением соответствующих положений национального законодательства (см. пункты 69 и 88 выше). Кроме того, не было запрошено экспертное заключение в отношении двух младших детей, Ир. и Р., а именно, можно ли с учетом их возраста и

развития опросить их в суде, при необходимости с помощью специалиста по детской психологии.

116. В свете вышеизложенного Суд полагает, что процесс принятия решений проходил с нарушениями и не позволил определить, в чем состоят истинные интересы детей.

117. В целом Суд делает вывод, что национальные власти превысили пределы усмотрения, предоставленные им в соответствующей сфере. Лишение заявительницы родительских прав было произвольным и абсолютно несоразмерным законной цели, на достижение которой было направлено. Отсюда следует, что вмешательство в право заявительницы на уважение ее семейной жизни не было «необходимым в демократическом обществе». Подобное произвольное вмешательство в одно из основополагающих прав Конвенции не должно иметь места в демократическом государстве, основанном на верховенстве права.

118. Таким образом, имеет место нарушение Статьи 8 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

119. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Компенсация вреда

120. Заявительница потребовала 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Она утверждала, что испытала стресс, отчаяние и депрессию из-за длительной разлуки с детьми и отсутствия каких-либо контактов с ними.

121. Власти утверждали, что компенсация не должна быть присуждена, поскольку права заявительницы не были нарушены.

122. Суд отмечает, что им установлено нарушение права заявительницы на уважение семейной жизни в связи с тем, что власти произвольно лишили заявительницу родительских прав. Суд считает, что заявительнице был в этой связи причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одной лишь констатацией нарушения ее прав. С учетом конкретных обстоятельств дела Суд считает целесообразным присудить заявительнице в полном объеме запрашиваемую сумму, то есть 30 000 евро, в качестве компенсации морального вреда, а также любых налогов, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Расходы и издержки

123. Интересы заявительницы представляли юристы организаций «Правовая инициатива по России» и «Астрей». Заявительница запросила 13 943,88 евро в качестве компенсации расходов по ведению ее дела в национальных судах и Европейском суде. Она представила подробную смету расходов и издержек, куда вошли: общая сумма 12850 евро за 220 часов работы юристов названных организаций по подготовке и представлению дела заявительницы на национальном уровне и в Суде, 197,38 евро на отправку корреспонденции в Суд с международной курьерской почтой и 899,50 евро на административные расходы (7% от всех расходов по ведению дела).

124. Государство оспорило эту сумму, утверждая, что расходы нельзя считать фактически понесенными, поскольку согласно договору между заявительницей и ее представителями, вышеупомянутая сумма подлежит оплате только если Суд установит нарушение ее прав.

125. Согласно практике Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек, если доказано, что они были фактически понесены, необходимы и разумны в количественном отношении (см. *Buzadji v. the Republic of Moldova* [GC], no. 23755/07, § 130, ECHR 2016, и более позднее *Merabishvili v. Georgia* [GC], no. 72508/13, § 370, ECHR 2017).). Расходы на вознаграждение представителя считаются фактически понесенными, если заявитель их оплатил или обязан оплатить (см. *Ždanoka v. Latvia*, no. 58278/00, § 122, 17 June 2004, и *Merabishvili v. Georgia* [GC], цит. выше, § 372). Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжение документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить сумму в 9 000 евро на оплату расходов по всем пунктам, плюс любой налог, который может подлежать уплате заявительницей, и эта сумма должна быть переведена на банковский счет представителей заявительницы.

С. Проценты за просрочку

126. Суд считает, что сумма процентов за просрочку должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;

2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции в части лишения заявительницы родительских прав;

3. *Постановляет*

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявительнице в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным, в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, с конвертацией в валюту государства-ответчика по курсу на дату выплаты:

(i) 30 000 (тридцать тысяч евро) плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 9 000 евро (девять тысяч евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы заявительницей, в счет возмещения расходов и издержек; эти средства должны быть перечислены на банковский счет представителей заявительницы;

(b) что со дня истечения трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

4. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 8 октября 2019 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Stephen Phillips
Секретарь

Vincent A. De Gaetano
Председатель